

УДК 141.132:141.32

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕВИТАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РЕАЛИЯХ XX–XXI вв.: ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ И ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭПИФЕНОМЕН

Доний Наталья Евгеньевна,

канд. филос. наук, доцент, докторант каф. социальной философии
и философии образования Национального педагогического университета
им. М.П. Драгоманова, Украина, 01601, г. Киев, ул. Пирогова, 9.
E-mail: doniynе@ukr.net

Актуальность работы обусловлена возрастанием обеспокоенности научной общественности масштабами дистанцирования индивидов от общества и актуализацией в связи с этим проблемы социальной витальности.

Цель работы: на основе сопоставления противоположных по типу мировосприятия научных позиций выявить сущность эпифеномена «социальная девитализация личности». Концепции ученых, анализируемые в работе, выбраны неслучайно, так как пессимистически настроенный Х. Ортега-и-Гассет был пионером в использовании понятия «девитализация» по отношению к социальной жизни, а социальный оптимист Э. Тоффлер, не используя указанное понятие, раскрывает и дополняет его своими идеями и формулировками.

Метод исследования: диалектический, обусловлен спецификой выбранного предмета исследования.

Результаты. Концепт «социальная девитализация личности», предлагаемый автором для объяснения отдельных тенденций, наблюдаемых в последнее время в обществе, получает свое раскрытие при сопоставлении противоположных и одновременно взаимодополняющих точек зрения. Основой для введения данного концепта стала теория испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, но большее раскрытие сути концепта было обнаружено в работах Э. Тоффлера. Кроме того, автором было отмечено следующее. Во-первых, если Ортега ввел концепт «девитализации», но не посчитал необходимым дать конкретизацию данного термина в социальном контексте, то Э. Тоффлер, представляя миру собственную концепцию «Третьей волны», абсолютно четко, не используя номинации «девитализация», определяет характеристики данного концепта в период Второго Модерна. Во-вторых, для Ортеги девитализация – это одиночество и оторванность от корней, которая присутствует у индивидов, существующих в массе. Тоффлер также, указывая на одиночество, утверждает, что одиночество есть следствие противостояния втянутости в толпу и представляет собой дистанцирование от прессингующего социального пространства.

Ключевые слова:

Девитализация, демассификация, массовизация, одиночество, Третья волна, урбанизация.

Весь XX в., особенно рубеж с XXI в., отмечен выходом в свет большого количества научных публикаций, посвященных проблематике развития общества и специфике его функционирования. Отдельное положение в этом списке заняли работы ученых, высказавших свою обеспокоенность сложностью социальной жизни человека и возникновением в связи с этим проблемы его выживания в условиях постоянно меняющегося социального пространства. Причем необходимо отметить, что опасения относительно социального выживания человека в данной группе публикаций стали звучать намного чаще и громче, оставляя при этом проблему о биологическом выживании человека где-то «за кадром» [1]. Основной причиной указанной тенденции можно считать следующую: в былые времена речь вообще не шла о социальном выживании, так как срабатывал стереотип – человек существо социальное и иных вариантов кроме как «жизнь в мире (в обществе)» не существовало. Отметим, что, какие бы не приводились примеры из прошлого, историками и культурологами неоднократно обращалось внимание на тот факт, что в реальности было очень мало людей, готовых полностью разорвать социальные связи [2].

Как известно, знание выстраивается в результате накопления опыта, ценностей, контекстной информации и экспертных оценок. При этом новое видение – это мгновение, озарение. Эту закономер-

ность отметил известный французский ученый Ж. Лакан, сравнивая рождение смысла с внезапным появлением на поверхности ткани острия швейной иглы, пронизывающей и соединяющей несколько слоев пережитого [3. С. 15]. Указанная закономерность фактически подтолкнула к написанию презентованной статьи и в чем-то определила ее цель: на основе сопоставления противоположных по типу мировосприятия позиций Х. Ортеги-и-Гассета и Э. Тоффлера раскрыть сущность эпифеномена «социальная девитализация личности». Обратим внимание, что указанный эпифеномен заявил о себе еще на стыке XIX–XX вв., однако в качестве угрожающего социальности стал ощущаться и превратился в предмет философского анализа в конце XX в. Необходимо отметить, что как таковой данный эпифеномен не представлен в научном дискурсе и является авторским [4], однако обсуждение проблемы девитализации элементов современного социального пространства присутствует в работах Ю. Кристевой, посвященных проблеме девитализации языка [5], в публикациях С. Мальцева, представляющих анализ-обеспокоенность падением жизненности русской культуры в Эстонии [6]. Концепции ученых, анализируемые в статье, выбраны не случайно, так как пессимистически настроенный Х. Ортега-и-Гассет был пионером в использовании понятия «девитализация» по отношению к процессам в социальной жизни [7], а со-

циальный оптимист Э. Тоффлер, не используя указанное понятие, раскрывает и дополняет его своими идеями и формулировками.

Отношение к философскому наследию Х. Ортеги-и-Гассета нельзя назвать однозначным. С одной стороны, творчество испанского философа и общественного деятеля изучено достаточно хорошо и не относится к числу тех, которые можно считать открытием XXI в. Однако необходимо отметить, что некоторые идеи и мысли философа остались вне поля интересов исследователей или по идеологическим причинам были искажены [8]. Философско-методологические проблемы учения Х. Ортеги-и-Гассета достаточно основательно раскрыты в трудах П. Гайдено, Дж. Грехам, А. Добсона, К. Долгова, О. Журавлева, А. Зыковой, Л. Капитонова, А. Канарского, С. Мамонтова, А. Руткевича, Г. Фриндлера и др. Кроме того, рассмотрением философской и социологической доктрины Ортеги были заняты такие авторы, как Е. Деревянко, О. Журавлев, Л. Куличенко, Х. Монтон Феррер, В. Одиноченко. Особый интерес у современных гуманитариев (работы К. Ашина, Н. Бондаренко, К. Долгова, Ю. Давыдова, И. Тертеряна и др.) вызывает теория дегуманизации Ортеги и его концепция «восстания масс».

Можно сказать, что научные труды американского футуролога и социолога Э. Тоффлера, выбранные нами для анализа, не реже становятся объектом внимательного изучения. Свидетельством этого является индекс цитируемости работ и сферы, в дискурсе которых авторы публикации ссылаются на мнение американского ученого. Закономерно, учитывая круг интересов самого Э. Тоффлера, что большая часть исследований, содержащих отсылки к работам американского футуролога, сконцентрирована вокруг проблем общества (публикации В. Сорокина, С. Гасумовой и др.). Однако интересными и неоднозначными выглядят также исследования, имеющие отношения к праву и армии. Так, опираясь на теорию Тоффлера, ведут свои разработки в сфере военной науки В. Буренок, Г. Люткене, а предметом интереса О. Степанова выступает кибертерроризм, пропущенный через призму тоффлеровской концепции. Однако тот аспект, который характеризует историографию работ Ортеги, также характерен и для наследия Тоффлера. Несмотря на довольно частое цитирование публикаций футуролога в научных исследованиях последних лет, некоторые из идей ученого не получили должного внимания. Данный пробел и позволяет автору публикации заявлять об актуальности представленного исследования.

Х. Ортегу-и-Гассета, как философа обозначившего тенденции развития общества и культуры в первой половине XX в., можно назвать футуристическим пессимистом. Философ искренне напуган масштабом процесса обрушения огромного человеческого потока на поле истории. Ортега, отмечая, как ему кажется, угрожающую тенденцию в развитии современного ему общества, указывает на

причину – взаимодействие трех факторов: науки, техники и либеральной демократии. Однозначно подчеркивая пагубность такого взаимодействия, Ортега детально анализирует стремление к разрастанию массовости, и появление в социальном пространстве массового человека констатирует в данном контексте появление процесса, обозначенного концептом «девитализация».

Х. Ортега-и-Гассет, следуя логике развития исторического процесса, показывает массу и массового человека как социально-исторический феномен, возникновение которого не стало случайностью. В ситуации совпадения нескольких процессов (господство эконоцентризма, индустриализм, урбанизация, общий доступ к образованию, массовизация духовной жизни в сочетании с формальной демократией) масса превратилась в доминирующую силу, определяющую направление и характер протекания процессов во всех сферах общества. Массовый человек явился закономерным итогом процесса окончательного становления индустриального общества. Для Ортеги масса не представляется толпой бездумно и бесцельно бродящих и шатающихся из стороны-в-сторону индивидов. Исходя из понятия, что масса, по сути, есть «система, состоящая из множества однородных элементов», Ортега подвел исследователей к пониманию массы как пространственно распыленного сообщества индивидов со сходными характеристиками сознания (гомогенными интересами, ценностями, ориентирами, типом мышления). Особенность данного типа в том, что его неимоверная активность присутствует исключительно в рамках его же одномерного жизненного «кратковременного проекта» [9. С. 15]. Выход на историческую арену массового человека был настолько стремительным, что у общества в достаточной мере не хватило ни времени, ни сил для приобщения этого «потока» к традиционной культуре. Одним из виновников такого положения вещей Ортега объявил систему образования, а конкретно – школы, которые успевали преподавать лишь внешние формы жизни, научили пользоваться современными инструментами, но не дали понятия об исторических особенностях, задачах, обязанностях. И, главное, «в массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе» [10. С. 50].

Ортега прекрасно понимал, что урбанизация и индустриализация являются лишь импульсами и начальными моментами более глубоких изменений. Испанский философ был больше обеспокоен тем, что нарушение «динамического равновесия» в пользу массы приводит к тому, что масса начинает диктовать свои условия игры, создавая тем самым угрозу деградации всех социокультурных сфер (политики, науки, искусства и др.). Российский философ П. Гайдено в этой связи отмечает, что массовый человек безудержен в своих материальных желаниях, так как «снятие внешних ограничений превращается в полный произвол индивидуальных вожелений, если человек не знает ограни-

чений внутренних, не умеет и не хочет «укорачивать самого себя»» [11. С. 165].

Отвергая мысль о важности самоограничения желаний и потребностей, массовый человек, таким образом, ограничивает желания и потребности других, вызывая в качестве ответной реакции желание увеличения расстояния между ним и Другими, что приводит к атомизации и автономизации индивидов. Увеличение расстояния действия силы социального притяжения не может идти до бесконечности, и, в конце концов, должен быть достигнут предел, за которым произойдет разрыв с обществом и всеми теми элементами, которые составляют социальную ткань. Можно предположить, что предвидение развития событий по описанному сценарию и подтолкнуло Ортегу к мысли о введении в социально-философский дискурс концепта «*девитализация*» для обозначения побочного относительно массовизации эпифеномена.

В 1921 г. мир увидела работа Х. Ортеги-и-Гассета «Бесхребетная Испания», в которой и была высказана интересующая нас мысль. Ортега использовал медицинский термин «девитализация» для обозначения негативного процесса, охватившего его родину. На испанском языке мысль философа о девитализации звучит так: «En lugar de que la colectividad, aspirando hacia los ejemplares, mejorase en cada generación el tipo del hombre español, lo ha ido desmedrando, y fue cada día más tosco, menos alerta, dueño de menores energías, entusiasmos y arrestos, hasta llegar a una pavorosa *desvitalización*» (выделено нами – Н.Д.)» [12. С. 125].

Если обратиться к доступным для отечественных читателей переводам этой работы, то понятие «девитализация» в них отсутствует, а вариант перевода этой мысли выглядит следующим образом: «Вместо того, чтобы следовать примерам лучших и идти к совершенству, массовый человек обрек себя на окончательное вырождение. Испанцы отупели, утратили чувство ответственности, перестали испытывать какой бы то ни было энтузиазм. Распрошавшись с высокими душевными порывами, мы столкнулись лицом к лицу со своей полной деградацией» [13. С. 344]. Из приведенного фрагмента видно, что термин «девитализация» переводчиком был заменен словом «деградация», которое чаще всего используется для обозначения перехода к состоянию упадка, понижения в ранге. Единственным переводом, использующим концепт «девитализация», является вариант, предложенный А. Артемьевым, в статье которого окончание фразы звучит так: «...вместо того, чтобы стремиться к лучшему, массовый человек идет по пути девитализации» [14. С. 26].

Заменяя в переводе концепт «девитализация» понятием «деградация» переводчики очень часто не задумываются над смысловой нагрузкой, вложенной Х. Ортегой-и-Гассетом в первый концепт. Все дело в том, что если буквально подходить к переводу концепта «деградация», то оно означает «снижение». Задачей исследователя, ориентиро-

ванного на употребление данного концепта, становится добавление некоторого смысла, который и направит перцепиента в конкретную плоскость. В случае использования концепта «девитализация» идет четкое указание на потерю жизненности, лишение жизненных сил (напомним, что концепт «витализация» обозначает придание жизненности, жизненных сил организму). Хотя будем исторически точными и отметим, что само понятие «девитализация» у Ортеги как бы зависло в воздухе, оставив ощущение недосказанности. Он его ввел, но не посчитал необходимым дать пояснения, что конкретно при этом имел в виду. Отметим, что данная «недосказанность» не характерна для Ортеги, ведь он постоянно выступал критиком собственных текстов и поэтому часто возвращался к уточнению использованных в публикациях терминов. Так, например, он неоднократно вносил коррективы и новые оттенки в концепт «кризис».

Несмотря на игнорирование многими переводчиками термина «девитализация», можно констатировать, что сам Ортега содержательно отождествлял его семантику с распространением в социальном пространстве феномена «омассовления» и четко очертил феномен девитализации как определенный спектр социальных патологий, несущих опустошительные последствия для общества. Культурная регрессия, утрата национальной идентичности, забывчивость относительно истории, одиночество, распространение вируса апатии и равнодушия по отношению к социальной жизни, возрастание агрессивности и насилия – все это было теми составляющими, которые скрывались под термином «девитализация» и одновременно раскрывали ее структуру и процесс. Анализируя публикации Ортеги, еще одной причиной ракового разрастания социальной девитализации можно назвать указанную им утрату людьми источника жизненной энергии, в качестве которого выступает совокупность элементов «витальной силы»: диалогичность, способность к сопереживанию, поддержка и передача жизненных, социальных, этнокультурных традиций.

Итак, подводя промежуточный итог, отметим, что концепт «девитализация» хотя и появился в социально-философском дискурсе Ортеги, но при этом представлял собой некую абстрактную философскую категорию. Более того, концепт «девитализация», благодаря определенному нежеланию автора сосредотачиваться на смысловой нагрузке данного термина, при первом же упоминании в научной литературе, выражаясь языком самого Ортеги, перешел в категорию «принципиально непопулярных» (можно сказать, «маргинальных»), хотя и не потерял своего значения в условиях развития общества XX–XXI вв., обозначенного как Постмодерн.

Модерн и его пост-форма – это не только разные эпохи, но и разные жизненные и культурные миры, которые можно лишь «сопереживать» или «переживать», и без этого понять их специфику

довольно сложно. Однако указанные два мира не замкнуты каждый сам на себе, и благодаря этому Постмодерн не отрекся от феноменов Модерна, он придал им новое звучание и новую актуальность. Это тонко уловил Э. Тоффлер.

Представляя свои взгляды миру, Тоффлер постарался сохранить определенную долю оптимизма в мироощущении того социального пространства, которое дрейфовало в направлении неоднократно предсказанной мыслителями гибели. Итак, под влиянием социальных трансформаций в середине XX в. человек начал отклоняться от типа массового к типу индивидуализированному. Тоффлер, очень чутко прореагировав на начала данного дрейфа, представил научному сообществу работу «Шок будущего» [15], а позднее, в 1980 г., работу «Третья волна». Футуролог, на основе анализа представленных в научном дискурсе теорий будущего, первым делом отметил один интересный факт: предсказуемое и непредсказуемое будущее имеют общий результат – порожденный «отход от общественной деятельности и пассивность» [16. С. 27].

Для Тоффлера абсолютно ясно, что одна из причин зарождения Третьей волны лежит в плоскости приобретения во второй половине XX в., а если более конкретно, то в конце 50-х – начале 60-х гг., антиномией «человек–толпа» особой остроты. Жизненность данная антиномия получила в результате превращения социального пространства XX в. в территорию перманентных социальных процессов. Американский ученый, описывая ситуацию постоянной процессуальности и переходности общества, отмечал: «Сейчас мы не получаем готовую ментальную модель реальности, мы вынуждены постоянно формировать ее и переформировывать. Это ложится на нас тяжелым грузом, но это же ведет к большей индивидуальности, демассификации как личности, так и культуры. Некоторые из нас ломаются под таким давлением, отступают, испытывая апатию или гнев. Другие постоянно растут, формируют себя...» [17. С. 279]. Указанная цитата позволяет говорить, что Тоффлер акцентирует внимание на противоположном относительно ортеговской «массификации» феномене. Также Тоффлер указывает, что причиной стремления к демассификации, в первую очередь, является демассификация СМИ [17. С. 205]. За демассификацией цепочкой идет и децентрация с острым желанием индивида выйти за пределы наибольшего скопления. Детально анализируя социальные тенденции второй половины XX в., Тоффлер отмечает, что данное отстранение имеет форму стремления к одиночеству.

Обращаясь к проблеме демассификации, Тоффлер также концентрирует внимание на факте усталости человека от гонки, спровоцированной требованиями массового общества к обязательности социального возвышения. Тоффлер уверен, что итог усталости есть появление новой линии в жизненной ориентации. Тоффлер указывает, что при ощущении того, что вроде бы все уже устоялось и

социальный мир принял как должное факт массовизации и унификации, возникает контртенденция в виде индивидуализации и выхода из толпы. Названная контртенденция в начале разрастается в масштабное одиночество и трансформацию семьи, а со временем и предоставляет необходимую силу для перехода границы между социально активной жизнью и абсолютной концентрацией на индивидуальной жизни, что в некоторых случаях проявляется как дезертирство из общества, а в некоторых – как дистанцирование от него.

Среди множества причин дистанцирования от общества, в чем и заключается сущность социальной девитализации, можно выделить две основные. Первой причиной является само общество, изолирующее индивида и не дающее ему возможности установления контактов с социумом (явления стигматизации, обсервации и др.). В такой ситуации человек ощущает обособленность и отверженность. Тоффлер на данной причине не останавливает своего внимания и сосредотачивается на второй – одиночество как результат активизации усилий личности. В данной ситуации общество открыто для коммуникации и заинтересовано в установлении контактов, но индивид отказывается от предлагаемого коммуникативного контакта. Индивид в данном случае указывает в качестве причины «перегруженность различными проблемами» (например, идет ссылка на «отсутствие времени», вызванное выходом на ведущие позиции профессионального статуса и таких его составляющих, как состязательность, конкурентоспособность, карьеризм (в его негативном смысле), трудоголизм и др.). Тоффлер очень четко описал сдвиги в чувстве жизни, которые заставляют человека XX в. противиться силе притяжения общества: «Человек вел борьбу за существование. Он научился играть в игры, которые ему навязывало общество, приравливался к отведенной ему роли, часто ненавидя все это, и ощущал себя жертвой той системы, которая повышала его жизненный уровень. Он чувствовал прямолинейность времени, которое безжалостно приближало его к будущему, где его ожидала смерть» [17. С. 205]. Именно разного рода причины, которыми изобилует повседневность и которые указываются в качестве таких, что провоцируют резкое сокращение времени, признаются индивидом виновными в ограничении сил на завязывание жизненно необходимых социальных контактов. Собственно в этом проявляется самоотторжение как феномен, о котором упомянул Ортега, используя термин «девитализация».

Выбирая социальную девитализацию в качестве социального пути, прибегая к практике самоотторжения от общества, человек теряет способность расшифровывать знаки и символы, присутствующие в социальной памяти. Он забывает, что одним из секретов развития и саморазвития как раз и является сохранение нити «прошлое–настоящее–будущее». В этой позиции сходятся и Ортега,

и Тоффлер, несмотря на то, что Ортега фактически дает, по терминологии Тоффлера, описание Второй волны, а сам Тоффлер – Третьей. Американский футуролог, стараясь дать развернутую характеристику фронта Третьей волны, отмечает, что, несмотря на то, что указанная волна представляет собой новый строй жизни, именно она благоприятствует поднятию на поверхность всего того, что было спрятано в глубине социального пространства.

Социальная девитализация – это демонстрация Третьей волны на уровне личности, это протест против обязанности концентрации сил и энергии в границах социального пространства и требование гибкости, которой обладает тело (гибкости графика работы, гибкости семейных отношений, как, например, бывает при так называемом «приходящем (воскресном) браке» и т. д.). Подобная гибкость предполагает обязательный элемент – индивидуализацию, которая тянет за собой в связке одиночество и социальную изоляцию. Именно индивидуализация становится той основой, на которой развиваются современные стили жизни. Так, можем сказать, что сегодня среди тех стилей, которых все чаще придерживаются индивиды в равной пропорции, представлены два, не противоречащих друг другу, но имеющих ряд расхождений в плане ценностей: все большее количество современников стремится к возрождению деревенской жизни и жизни с минимальными потребностями с одновременным сдвигом в сторону селфа и семьи (дауншифтинг, апшифтинг) [18]; ориентация на мобильность и одиночество.

Возвращаясь к описанию социальной девитализации личности, кроме всего прочего, необходимо указать на то, что ее можно рассматривать как жизнь человека по принципу «не бери у социума, а помоги себе сам». Тоффлер, обращая внимание на такую переориентацию, затронувшую современную экономику, указывает, что человек из пассивного потребителя превращается в производителя для себя. Таким образом, он позволяет себе все меньше зависеть от социальных тенденций, определяемых обществом потребления (хорошо известный призыв «Сделай сам», реализованный, например, в организации в домашних условиях ремонта одежды, мебели и т. д.). По мнению Тоффлера, именно опора на указанный принцип косвенно влияет на структуру личности и на ее уверенность в возможности внесоциального существования.

Хотя возьмем на себя смелость высказаться о сомнительности абсолютизации данного стиля жизни. Ориентация на самопомощь и доминирование самопомощи в обществе является показателем анархии. Это означает, что государство не имеет возможности (или не хочет) оказывать помощь. Индивид в этом случае прибегает к варианту «помогите, кто может» и начинает действовать в про-

странстве хаоса и персональной дезинтеграции. Вот именно из-за присутствия подобных элементов анархичности речь заходит о побочном результате самопомощи, наблюдаемом и описываемом как «социальная девитализация личности».

Подводя итоги, укажем на следующие моменты. *Во-первых*, если Ортега ввел концепт «девитализации», но не посчитал необходимым конкретизировать данный термин в социальном контексте, то Э. Тоффлер, представляя миру собственную концепцию «Третьей волны», абсолютно четко, не используя концепта «девитализация», определяет его характеристики в период Постмодерна. *Во-вторых*, для Ортеги сущность девитализации – это одиночество и оторванность от корней, которая присутствует в толпе. Ортега уверен, что только общество (но не массовое), как место концентрации наиболее ценного для жизни человека, позволяет человеку жить, а не прозябать. Тоффлер идет в своих размышлениях по пути, обозначенному Б. Спинозой в тезисе-формуле «существование меняется, но сущности остаются неизменными». Американский ученый также указывает на одиночество, но при этом он утверждает, что ориентация на одиночество – это последствие и противостояние втянутости в толпу, это форма протеста против массовизации. Для Тоффлера одиночество, хотя и является показателем угрозы для социальности и для выживания человека, не выступает однозначным феноменом со знаком «минус». Тоффлер уверен: «...третья волна показывает нам ... новые перспективы. Она доказывает, что в самой сердцевине разрушения и распада мы можем обнаружить сейчас потрясающие свидетельства зарождения и жизни» [17. С. 23]. Однако надо отметить, что Тоффлер не описывает эти горизонты, оставляя возможность времени или подтвердить, или опровергнуть его мысль. Можем от себя добавить, что в качестве новых горизонтов могут выступить те перспективы в межличностных отношениях, которые стали так притягательны в движении дауншифтинга.

И последнее так или иначе объединяет рассмотренные выше концепции. Социальная девитализация личности и для Ортеги, и для Тоффлера является попыткой дистанцирования (дезертирства) от (из) зоны напряжений в социальном пространстве, что само по себе является позитивной негативностью. Представители современного общества, которые столкнулись с огромным количеством проблем, связанных с самовыражением и самосохранением [19], и, как правило, привыкшие к комфорту и практически полному удовлетворению желаний, стимулированных обществом потребления, выбирая путь социальной девитализации, стараются игнорировать аксиому, гласящую: «на то мы и люди, чтобы участвовать в напряжениях» [20. С. 334].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлова Н. Витальность как социально-философская проблема // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 2. – С. 95–106.
2. Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность / пер. с англ. А. Андреева. – М.: ООО «Альпино Нон-фикшн», 2014. – 279 с.
3. Шутценбергер А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2009. – 256 с.
4. Doniy N. Post-enlightenment world experience trends and their impact on the distribution of the individual's social devitalization // *Scientific Enquiry in the Contemporary World: Theoretical Basics and Innovative Approach*. – San Francisco, California, USA: B&M Publishing, 2014. – V. 2. Humanities and social sciences. Economics. Psychology and pedagogics. – P. 52–57.
5. Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия / пер. с фр. – М.: Когито-Центр, 2010. – 276 с.
6. Мальцев С. Ассимиляционные процессы в Эстонской республике как угроза русской духовности, языку, культуре, образованию // *Русские национальные приоритеты в Эстонии: Матер. II Междунар. научно-практ. конф.* – Таллин, 17.03. 2002. URL: <http://web.zone.ee/russinstitut/conference/conf/confmalcev.html> (дата обращения: 12.10.2014)
7. Dobson A. An Introduction to the Politics and Philosophy of José Ortega y Gasset. – New York, Cambridge University Press, 2009. – 204 p.
8. Graham T.Jh. The Social Thought of Ortega y Gasset: A Systematic Synthesis in Postmodernism and Interdisciplinarity. – Columbia, MO: University of Missouri Press, 2001. – 561 p.
9. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013. – 264 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: сб. / пер. с исп. – М.: АСТ: СТ Москва, 2008. – 347 с.
11. Гайденоко П.П. Хосе Ортега-и-Гасет и его «Восстание масс» // *Вопросы философии*. – 1989. – № 4. – С. 155–169.
12. Ortega y Gasset J. España invertebrada // *Ortega y Gasset J. Obras completas*. – Madrid: Revista de occidente, 1966. – Т. 3. – P. 37–128.
13. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания // *Восстание масс* / пер. с исп. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – С. 269–370.
14. Артемьев А. Кризис европейской культуры рубежа XIX–XX вв. как детерминанта «нового искусства» в культурологической доктрине Х. Ортеги-и-Гассета // *Грамота*. – 2012. – № 2 (16): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 24–28.
15. Toffler A. Future Shock; Reissued ed. – New York: Bantam, 1970. – 576 p.
16. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2008. – 560 с.
17. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ.; вступ. ст. П. Гуревича. – М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
18. Кононенко Р. Жизнь и карьера в практиках дауншифтинга // *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. – С. 137–150.
19. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.
20. Мамардашвили М. Из лекций по социальной философии // *Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки* / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1996. – С. 317–334.

Поступила 30.10.2014 г.

UDC 141.132:141.32

SOCIAL DEVITALIZATION OF PERSONALITY IN REALITY OF XX–XXI cc.: OPTIMISTIC AND PESSIMISTIC VIEW OF AN EPIPHENOMENON

Natalia E. Doniy,

Cand. Sc., M.P. Dragomanov National Pedagogical University,
9, Pirogova street, Kiev, 01601, Ukraine. E-mail: doniyne@ukr.net

The relevance of the work is caused by increasing concern of the scientific community about the scale of an individual distance from society and by the mainstreaming the problems of social vitality in this context.

The main aim of the research is to reveal the essence of epiphenomenon «personality social devitalization» comparing opposite-type worldviews of scientific positions. It is no coincidence that the concepts of scientists analyzed by the author were chosen – pessimistically-tuned J. Ortega y Gasset was a pioneer in using the concept «devitalization» in relation to social life and social optimist A. Toffler, without using the above concept, reveals and complements it with his ideas and formulations.

Test method: dialectical, due to the specific character of the research subject.

Results. The concept «social devitalization of personality» proposed by the author to explain certain trends observed in recent years in the society is disclosed in comparing different and complementary points of view simultaneously. The theory of the Spanish philosopher J. Ortega y Gasset became the background for introducing this concept; but the essence of the concept is better disclosed in papers of A. Toffler. The author of the paper noted the following facts: if Ortega introduced the concept of devitalization but did not consider it to be necessary to give a concrete definition of the term in a social context, then A. Toffler, presenting his own concept of the «Third Wave» to the world, characterizes definitely the concept in the Second Modernity, without using the category «devitalization». Devitalization for Ortega is loneliness and isolation from the roots. Pointing to the loneliness Toffler states as well that loneliness is a consequence of confrontation of being dragged into a crowd and it is distancing from the pressure of a social space.

Key words:

Devitalization, demassification, massivization, loneliness, The Third Wave, urbanization.

REFERENCES

1. Kozlova N. Vitalnost kak sotsialno-filosofskaya problema [Vitality as a socio-philosophical problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 1998, no. 2, pp. 95–106.
2. Klyaynenberg E. *Zhizn solo: Novaya sotsialnaya realnost* [Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone]. Translated from English by A. Andreev. Moscow, Alpino Non-fikshn, 2014. 279 p.
3. Shuttensberger A.A. *Sindrom predkov: Transgeneratsionnye svyazi, semeynye tajny, sindrom godovshchiny, peredacha traum i prakticheskoe ispolzovanie genosotsiogrammy* [Syndrome of ancestors: transgenerational links, family secrets, anniversaries syndrome, transmission of traumas and practical use genosotsiogrammy]. Moscow, Psychotherapy Institute Press, 2009. 256 p.
4. Doniy N. Post-enlightenment world experience trends and their impact on the distribution of the individual's social devitalization. *Scientific Enquiry in the Contemporary World: Theoretical Basics and Innovative Approach* [3rd edition. Research articles]. San Francisco, California, USA, B&M Publishing, 2014. Vol. 2. Humanities and social sciences. Economics. Psychology and pedagogics, pp. 52–57.
5. Kristeva Yu. *Cherno solntse: Depressiya i melankholiya* [Black Sun: Depression and Melancholia]. Translated from French. Moscow, Cogito center, 2010. 276 p.
6. Maltsev S. Assimilyatsionnye protsessy v Estonskoy respublike kak ugroza russkoy dukhovnosti, yazyku, kulture, obrazovaniyu [The assimilation of the Republic of Estonia as a threat to Russian spirituality, language and culture, education]. *Materialy Vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkie natsionalnye priority v Estonii»* [Russian national priorities in Estonia: Mater. II Intern. Scientific-practical conference]. Tallinn, March 17, 2002. Available at: <http://web.zone.ee/rus-sinstitut/conference/conf/conf-malcev.html> (accessed 12 October 2014).
7. Dobson A. *An Introduction to the Politics and Philosophy of José Ortega y Gasset*. New York, Cambridge University Press, 2009. 204 p.
8. Graham T.Jh. *The Social Thought of Ortega y Gasset: A Systematic Synthesis in Postmodernism and Interdisciplinarity*. Columbia, MO, University of Missouri Press, 2001. 561 p.
9. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: causes and manifestations]. Moscow, Nauchny ekspert Publ., 2013. 264 p.
10. Ortega-y-Gasset J. *Vosstanie mass. Degumanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya* [The Revolt of the Masses. The Dehumanization of Art. Invertebrate Spain: a collection]. Translated from Spanish. Moscow, AST: ST Moscow, 2008. 347 p.
11. Gaydenko P.P. *Hose Ortega-y-Gaset i ego «Vosstanie mass»* [Jose Ortega y Gasset and his «The Revolt of the Masses»]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 4, pp. 155–169.
12. Ortega y Gasset J. *España invertebrada* [Invertebrate Spain]. Ortega y Gasset J. Obras completas. Madrid, Journal of oxidente, 1966, vol. 3, pp. 37–128.
13. Ortega-y-Gasset J. *Beskhrebetnaya Ispaniya* [Invertebrate Spain]. Ortega-y-Gasset J. The Revolt of the Masses: a collection. Translated from Spanish. Moscow, AST Publ., 2002, pp. 269–370.
14. Artemev A. Krizis evropeyskoy kultury rubezha XIX–XX vv. kak determinanta «novogo iskusstva» v kulturologicheskoy doktrine H. Ortegi-i-Gasseta [The crisis of European culture of the XIX–XX centuries as a determinant of the «new art» in a cultural doctrine of J. Ortega y Gasset]. *Gramota*, 2012, no. 2 (16), P. 1, pp. 24–28.
15. Toffler A. *Future Shock*. Reissue edition. New York, Bantam, 1970. 576 p.
16. Toffler E. *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow, AST Publ., 2008. 560 p.
17. Toffler E. *Tretya volna* [The Third Wave]. Translation from English, introductory article of P. Gurevich. Moscow, AST Publ., 1999. 784 p.
18. Kononenko R. Zhizn i karera v praktikakh daunshiftinga [Life and career in the practices of Downshifting]. *Antropologiya professiy: granitsy zanyatosti v epokhu nestabilnosti* [Anthropology of professions: the boundaries of employment in the epoch of instability]. Moscow, Variant, CSPGI, 2012. pp. 137–150.
19. Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. *Tsivilizatsionnaya identichnost v perekhodnuyu epokhu: kulturologicheskiy, sociologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty* [Civilizational identity in the transition period: culturological, sociological and artistic aspects]. Moscow, Progress-Tradition, 2011. 1024 p.
20. Mamardashvili M. Iz lektsy po sotsialnoy filosofii [Lectures on social philosophy]. *Neobkhodimost sebya: Lektsii. Statiy. Filosofskie zametki* [Necessity of oneself. Lectures. Articles. Philosophical Notes]. Ed. by Yu.P. Senakov. Moscow, Labyrint Publ., 1996. pp. 317–334.

Received: 30 October 2014.